

Caucasian Regional Studies

The International Association For Caucasian Regional Studies
Law Politics Sociology Economics Modern History International Relations

Caucasian Regional Studies, Vol. 4, Issue 1, 1999

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МИГРАНТЫ ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНА В САНКТ ПЕТЕРБУРГЕ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

Бредникова О., Паченков О.*

Введение

Среди новых реалий жизни современного российского общества значимым и заметным становится большое количество мигрантов, в том числе и с Кавказа. Метаморфозы, которые произошли с некогда единым постсоветским пространством, разрушили прежние институциональные связи. Однако теперь на их месте возникают новые социальные сети и связи, приобретая новое качество. Несмотря на появление границ и изменение экономического пространства, расстояние которого измеряется не километрами, а стоимостью проезда, субъективное восприятие территории прежнего СССР во многом остается прежним. Как показало наше исследование, для многих людей постсоветское пространство по-прежнему воспринимается как «свое», в отличие от «заграницы». Неравномерность экономического развития бывших республик СССР и беспрепятственность передвижений по территории России вызывает большое количество миграций. Специалисты сегодня констатируют накопление вновь прибывших мигрантов, а также рост этнического самосознания и создание формальных национальных общин и неформальных диаспор в городах России.

Взаимоотношения современной России с государствами, бывшими республиками СССР, складываются зачастую непросто. Непростая ситуация характерна и для отношений России с государствами Кавказского и Закавказского регионов. В этой связи необходимо отметить, что положение кавказских диаспор в России, их взаимоотношения с местным большинством, политическая ориентация, экономическая активность, языково-культурные предпочтения могут в значительной степени влиять на характер политики России в указанном регионе. В предпринимательских

кругах бизнесмены кавказского происхождения с выраженной этнической идентичностью часто ориентированы на установление деловых контактов со странами Кавказа и Закавказья. Эти бизнесмены стремятся создать новые связи взамен разрушенных. Они заинтересованы в установлении экономических отношений России со странами, которые считают своей родиной и готовы лоббировать свою позицию: «Азербайджан нужен России, мы в этом уверены и хотим убедить в этом соответствующее руководство». Однако, одним из первых условий налаживания такого рода контактов между государствами предприниматели-«кавказцы» считают установлении приемлемых цивилизованных отношений между представителями кавказских диаспор в России и местным населением.

С другой стороны, отношение российского общества к «кавказцам» и Кавказу - может повлиять на выбор российского курса во внешней политике, на установлении или не установлении связей, на принятие тех или иных политических и экономических решений. В этой связи нельзя не принимать во внимание и позицию самих членов кавказских диаспор, проживающих на территории российских городов. Исследования фиксируют тесную связь событий, происходящих на родине мигрантов с поведением диаспоры в российских городах. Очень часто, именно события на родине становятся фактором, мобиливающим этническую идентичность мигрантов.⁽¹⁾ Поэтому, эксперты и аналитики, принимая решения относительно внешней политики России в данном регионе, должны учитывать российские диаспоры кавказских народов как значимый фактор.

Таким образом, обе стороны заинтересованы в том, чтобы иметь объективную и всестороннюю информацию о мигрантах с Кавказа в крупных российских городах, о ситуации, в которой находятся сегодня кавказские диаспоры в России. В данной статье представлены некоторые результаты исследования азербайджанской диаспоры Санкт-Петербурга.

Темпы миграции жителей Кавказа и Закавказья в Россию достаточно велики и её масштабов никто сегодня точно не представляет. По данным Всероссийской переписи населения на 1989 г. в Петербурге насчитывалось 32,4 тыс. выходцев из Закавказья и 10,9 тыс. с Северного Кавказа.⁽²⁾ Сегодня их число безусловно гораздо выше в силу значительного потока беженцев и экономических мигрантов. Однако измерить их количество достоверно не представляется возможным, поскольку далеко не все прибывающие в город мигранты, как мы покажем ниже, официально регистрируются. Например, согласно той же переписи населения 1989 года, в Петербурге насчитывалось 12 тысяч азербайджанцев. По мнению экспертов, в качестве которых выступают ученые, представители власти или азербайджанских общественных организаций, сегодня в городе проживает от 50 до 500 тысяч азербайджанцев. И эта оценка напрямую зависит от ангажированности эксперта, от цели, в связи с которой происходит оценивание численности. Хорошим примером, иллюстрирующим беспомощность экспертов в попытке оценить количество мигрантов из Азербайджана в Петербурге сегодня, могут

послужить следующие цитаты из периодических изданий, связанные инцидентом ранения почетного консула Азербайджана в Санкт-Петербурге Гудси Османова: 1) «Сейчас в Питере проживают свыше 14 тысяч жителей Азербайджана» (Виктор Бова, Смена 2.03.99); 2) «За прошлый год многое было сделано Гудси Османовым для укрепления связей трехсоттысячной азербайджанской диаспоры (самой крупной в Санкт-Петербурге) с властями Петербурга и столицей своей исторической родины» (Л.Корсунский, Петербургский Час Пик, 3-9.03. 99).

В независимости от своей численности, азербайджанцы, проживающие в Санкт-Петербурге, не могут быть охарактеризованы, как некое единое сообщество с четкими границами, коллективным сознанием, выраженными коллективными интересами и групповыми стратегиями. Азербайджанская диаспора Санкт-Петербурга состоит из различных социальных сред (3), которые относительно замкнуты и слабо взаимодействуют между собой, например, ученые или крупные бизнесмены, чей бизнес связан с Азербайджаном и т.д. Существуют несколько взаимосвязанных критериев различий между средами: время проживания в городе, степень адаптированности и интегрированности, различный социальный статус и другие. На пересечении этих признаков и формируются различные социальные сообщества.

В качестве объекта исследования мы выбрали недавних экономических мигрантов («стаж» мигранта не более трех лет) из Азербайджана. Выбор объекта связан с несколькими причинами: 1) группа недавних экономических мигрантов наименее интегрирована в городское сообщество, её представители слабо адаптированы к новым условиям жизни в чужой культуре; 2) на фоне существующей в обществе ксенофобии такая группа наиболее проблематична и в общественной дискуссии наиболее конфликтна. Более того, сегодня ксенофобия приобретает «рыночный» характер, ибо ее причиной становится не просто этнические предубеждения, но рыночная конкуренция. Поэтому мигранты, зачастую воспринимаются менее удачливым в бизнесе окружением не просто как «чужие», но как конкуренты; 3) мы исследовали именно тех людей, кто реально бывает и в Азербайджане, и в России; через них осуществляется непосредственная связь и взаимовлияние двух культур.

Некоторые предварительные замечания

Данная статья написана на материалах реализованного Центром независимых социологических исследований проекта «Кавказцы» в российском городе: проблемы интеграции на фоне ксенофобии» при поддержке фонда Макартуров. Проект ставил своей целью изучение проблем интеграции мигрантов с Кавказа как наиболее конфликтной группы в общественном мнении в Санкт-Петербурге.(4)

Исследование проводилось методом case-study. Основными информантами стали две семьи из Азербайджана (г.Гянджа). «Стаж мигранта» у информантов составил около двух лет. В контексте

жизненных историй информантов мы исследовали формирующиеся на новом месте социальные сети солидарности, жизненные стратегии мигрантов и их повседневные практики.

В ходе исследования были проведены следующие процедуры:

1. Участвующее наблюдение в среде экономических мигрантов из Азербайджана. Мы наблюдали и, насколько было возможно, участвовали в различных сферах их повседневной жизни (работа на рынке, организация быденной жизни, взаимоотношения с представителями государства и жителями Петербурга и т.д.).
2. Интервьюирование. Традиционные интервью с представителями последней волны миграции оказались невозможными из-за слабого владения информантами русским языком. По этой причине в ходе участвующего наблюдения проводились многочисленные «беседы» с информантами.
3. Работа с экспертами. Помимо людей, чья непосредственная профессиональная деятельность связана с мигрантами (представители ФМС, администрации и обслуживающего персонала городских рынков; сотрудники МВД; работники сферы здравоохранения и образования; сотрудники риэлтерских агентств), в качестве экспертов для нас также выступали жители Петербурга, которые в своей повседневной жизни сталкиваются (сотрудничают/конфликтуют) с мигрантами в различных сферах жизни: хозяева арендуемых мигрантами квартир, наёмные рабочие, работающие на мигрантов-предпринимателей и т.д.

Экономическая миграция

Миграция последних лет из Азербайджана (как, впрочем, и из других бесконфликтных регионов Кавказа и Средней Азии) связана, прежде всего, с экономическими трудностями и безработицей в этих регионах. Крупные российские города предоставляют больше возможностей для реализации экономических стратегий мигрантов, и, несмотря на некоторые формальные трудности и кавказофобию россиян, остаются доступными.

Цель миграции - реализация экономических стратегий, связанных с максимально быстрым обогащением - определяет ее характер. Это, в свою очередь, во многом определяет и формирует образ жизни мигрантов в Санкт-Петербурге, структурирует их времяпрепровождение и т.д. Эти миграции носят челночный характер, сезонность которых связаны с рыночной ситуацией. Например, гастарбайтеры из Азербайджана продают зелень на рынках города лишь зимой, так как летом появляется в продаже и успешно конкурирует зелень, выращенная в Ленинградской области. На этот период основная масса мигрантов, занимающихся зеленым бизнесом, возвращается в Азербайджан, чтобы зимой (в случае, если дома снова будут проблемы с работой) опять вернуться.

Оценить количественно экономическую миграцию довольно сложно,

так как ее потоки трудно проконтролировать. Как показало наше исследование, мигранты выбирают жизненные стратегии избегания всякого контакта с государством, в том числе - регистрацию и помощь в ФМС. Каждое формальное столкновение с государственной машиной оказывается для мигрантов дорогим и хлопотным. Отлаженная система взяток позволяет по обоюдному согласию с милиционерами «на месте» решать проблемы, связанные с нарушением паспортного режима. Именно поэтому попытки оценить количество вновь прибывающих мигрантов через статистику ФМС или данные регистрации МВД оказываются несостоятельными. Оценки экспертов, приведенные выше, сильно ангажированы, поэтому фактически не имеют реальных оснований.

Социальный состав мигрантов разнообразен. Среди наших информантов встречались жители деревень и крупных городов (например, Гянджи); люди с высшим образованием и без образования; поражает профессиональное разнообразие (шофер, инженер, преподаватель вуза и так далее). Еще несколько лет назад можно было говорить о гендерной миграции, так как на временные заработки приезжали только мужчины. Однако сейчас такой гендерный «перекос» исчезает. Поскольку подобные жизненные стратегии становятся долгосрочными, то теперь уже переезжают и участвуют в зарабатывании денег целые семьи вместе с детьми.

Экономические стратегии мигрантов

Можно говорить о единой «концепции карьеры» для всех экономических мигрантов. Она связана со стремлением: минимум - выжить и прокормить семью оставшуюся дома, максимум - разбогатеть и, возможно, остаться жить Петербурге.(5) Такая концепция «экономической карьеры» реализуется, прежде всего, через поиск собственных экономических ниш.

Существует два основных критерия выбора экономических ниш мигрантами. Эти критерии подробно описаны в мировой научной литературе: 1) мигранты заняты в бизнесе, характеризующемся маленькими начальными капиталовложениями и быстрым оборотом не крупного капитала; 2) наличие социальных сетей, когда мигрант может рассчитывать на материальную поддержку (льготный кредит), получение полезной информации и т.д.(6) Такой экономической нишей для недавних мигрантов из Азербайджана становится розничная торговля овощами и фруктами на городских рынках.

Согласно нашему исследованию, основная причина, существенно влияющая на выбор мигрантом своей экономической ниши, связана с наличием связей и знакомств. Выбор специализации в торговле вновь приехавшего мигранта зависит от того, чем занимаются здесь его знакомые, которые могут ему помочь или дать совет - он пойдёт именно в эту область, где имеет гарантированную помощь. Такой ресурс как связи, информация, возможность получить компетентный деловой совет очень важен. В результате этого вновь приезжающие мигранты ориентируются на ту же сферу деятельности, что и их знакомые, приехавшие сюда раньше, возникают локальные

экономические ниши – например, в масштабах одного рынка, в которых заняты жители того же города. Так, на Кузнечном рынке Петербурга продажей зелени занимаются в основном мигранты из г.Гянджа (Азербайджан) и жители одного села из Таджикистана. На выбор вновь приехавшего мигранта повлияет не столько символический аспект традиционности, сколько практическая обеспеченность деловыми советами и связями земляков.

Наши наблюдения показали, что схема действий приезжающего в российский город мигранта - «кавказца» приблизительно такова: В девяти случаях из десяти мигранты едут не на пустое место, а к кому-то (знакомым, знакомым знакомых или просто по полученному от кого-то адресу). Если же мигрант приехал не кому-то конкретно и ему некуда идти, или он не смог найти тех, к кому приехал, он просто идёт на рынок. Там ему, скорее всего, никто не поможет, если нет земляков (односельчан или жителей того же района). Поэтому он пытается найти таковых. Сети доверия, основанные на земляческой идентичности, связаны, прежде всего, не с мифической общностью этнической группы (среди земляков могут быть представители разных групп), но с возможностью контроля. Земляки могут согласиться помочь и для начала взять в своё дело: поставить за прилавок, дать какую-то долю товара для продажи. При этом будут внимательно следить - чтобы он не обманывал, не крал и т.п. В этом случае ему будут помогать и дальше, пока недавно приехавший земляк сам не «встанет на ноги». Среди мигрантов с Кавказа существует своеобразная негласная профессиональная этика: каждый из мигрантов стремится стать самостоятельным предпринимателем, иметь свой собственный товар, а не продавать чужой. Невозможно найти кавказца, который работал бы у своего земляка, например, грузчиком. Хотя на первых порах новичку помогают, считается, что уважающий себя человек в течение месяца должен суметь собрать достаточно денег, чтобы начать своё собственное дело. Земляки, которые ему доверяют (т.е. имеют возможность контролировать), могут одолжить небольшую сумму в качестве начального капитала, помогут найти жильё, обеспечат необходимыми связями и советами.

Работа является целью пребывания мигрантов в эмиграции и поэтому становится основой формирующихся здесь социальных сетей. Отношения экономических мигрантов между собой и с социальным окружением ориентированы, как правило, на извлечение максимальной прибыли и на то, чтобы избежать возможных проблем. Их отношения с соотечественниками строятся на основе принципов экономической рациональности, а иногда и конкуренции. Очень часто рациональность, воплощённая для экономических мигрантов в максимальной зарплате, заслоняет все прочие солидарности. Менее всего во внимание принимается солидарность этническая. Но так же родственная, земляческая, реже дружеская солидарности могут быть принесены в жертву теми, кто приехал в первую очередь для того, чтобы прокормить семью. Мы наблюдали, как наши информанты на одном из рынков города делают друг на друге деньги. В течение полутора часов с момента открытия рынка на нём происходит мелкооптовая торговля зеленью. Торговцы, которым предстоит весь оставшийся день торговать товаром в

розницу, покупают его у мелкооптовых продавцов. Иногда они, быстро ориентируясь на изменяющуюся конъюнктуру цен и товаров, тут же опять продают купленный несколько минут назад товар оптом. При этом торговцы меньше всего внимания обращают на этничность друг друга. Мелкооптовыми продавцами обычно выступают жители Петербурга и Ленинградской области, которые выращивают зелень в парниках и утром привозят её на рынок и продают азербайджанцам, которые затем, в течение дня, продают эту зелень в розницу. Сами азербайджанцы тоже стремятся участвовать в утренних мелкооптовых торгах, продают и покупают друг у друга зелень и при этом не берут с азербайджанца меньше, чем с русского. Если же у русских купить тот же товар можно дешевле - они с радостью делают это. И тут же через пять минут могут продать выгодно купленный у русского товар азербайджанцу, но уже дороже, заработав на этом деньги.

Можно приводить массу примеров того, как азербайджанцы превращают своих соотечественников, которых исследователи этнической экономики со своей стороны склонны рассматривать как со-ethnics, в ресурс для увеличения собственного капитала. Приведём ещё несколько примеров, которые помогут понять, какие идентичности и солидарности представляются нашим информантам значимыми, а какие - нет.

Так, те азербайджанцы, которые живут в Петербурге давно, имеют постоянную прописку и определённые связи, помогают своим соотечественникам в оформлении регистрации. Один из наших информантов воспользовался услугами такого знакомого при оформлении временной регистрации и заплатил за это триста тысяч. Официально такая регистрация стоила на тот момент семьдесят тысяч.(7)

Другие наши информанты, которые нашли свою экономическую нишу в инфраструктуре рынка и занимались приготовлением пищи для продавцов на рынке, вынуждены были покупать овощи для приготовления еды на том же рынке у своих соотечественников по ценам выше закупочных, хотя и ниже розничных. Сами они никому из соотечественников, торговавших на этом рынке и приходивших к ним есть, не давали приготовленную пищу бесплатно.

Тот же самый информант - повар несколько раз высылал домой своих племянников, которые приезжали к нему в надежде найти работу и помощь. Они оказывались, по его словам, неспособными для самостоятельной работы, а кормить их и помогать им до бесконечности он не мог. Точно так же он поступил с соотечественником, который помогал ему в приготовлении еды. Из двух напарников наш информант выбрал и оставил одного, поскольку работать вдвоём было выгоднее. Третий помощник был им не нужен: он не приносил дополнительной прибыли, делал то, что они могли поделить между собой и делать вдвоём, в то время как заработанные деньги им приходилось делить на троих.

Информанты рассказывали нам о случае, когда рыночная община отказалась выкупать из тюрьмы соотечественника - подростка,

которого посадили за воровство. Вообще, среди экономических мигрантов, приехавших сюда на заработки и добывающих свой хлеб тяжелейшим трудом, не поощряется стремление некоторых соотечественников получить «лёгкие» деньги не работая, просто так.

С другой стороны, в ходе исследования мы могли наблюдать примеры сотрудничества между мигрантами-азербайджанцами и местными предпринимателями. Такое сотрудничество в научной литературе по этническому бизнесу часто принято описывать как сотрудничество с другими этническими группами. Однако, наш опыт наблюдений показывает, что это не сотрудничество представителей одной этнической группы с представителями другой этнической группы. Это взаимовыгодное сотрудничество профессионалов. Этничность практически не играет роли при выборе того, с кем экономические мигранты сотрудничают, значимыми оказываются совершенно иные факторы. Примером такого сотрудничества, построенного исключительно на экономических принципах взаимовыгодности являются уже упоминавшиеся выше отношения, связанные с продажей товара мелкооптовыми продавцами – жителями Ленинградской области розничным продавцам – азербайджанцам. Эпизоды подобного сотрудничества диссонируют с активно распространяемыми в СМИ мифами о «несомненном» экономическом ущербе, который наносят стратегии экономических мигрантов - «кавказцев» «нашим» производителям, покупателям и т.п. На мелкооптовых поставщиков зелени никто не «давит», ни к чему не «принуждает», ничего не скупает «насильно», «под угрозами» (терминология из СМИ). Просто они предпочитают привести с утра на рынок несколько десятков килограммов зелени, заработать 5 - 6 тысяч с каждого килограмма в течение часа и уехать домой. Перспективу мёрзнуть 10 часов на холодном рынке, рисковать товаром, решать проблемы с милицией, ОМОНОм, администрацией рынка и т.д. предприниматели-петербуржцы сознательно оставляют азербайджанцам.

Другой пример экономического сотрудничества между мигрантами-кавказцами и местным населением - это предоставление рабочих мест представителям местного населения, которые работают у хозяев-мигрантов продавцами, грузчиками, водителями и т.д. Таким образом, мы видим, что отношения экономических мигрантов-кавказцев с их социальным окружением строятся главным образом на принципах взаимовыгодности, профессиональной пригодности и экономических законах.

Большой интерес для нас представляла значимость, которую имеет для информантов статус родственника и вообще родственные отношения. Известно, что важность родственных отношений считается неотъемлемой частью и даже характеристикой традиционного общества. В ходе исследования мы пришли к выводу, что для наших информантов понятие родства и родственных связей не играет безусловно самой важной роли при выборе ими стратегий поведения, не является важнейшей категорией во взаимоотношениях. Зачастую актуальнее оказывается солидарность земляков. Периодически в ходе исследования казалось, что категория родства - самая важная. Так, один из наших информантов утверждал, что в их

(азербайджанской) культуре традиционно принято называть лучших друзей в терминах родства - братом или сестрой. В другой ситуации, когда тот же информант рассказывал о предполагаемом недостойном поступке одного из своих родственников, он сказал: «Если он это сделает, он мне больше не родственник!». В то же время, мы выяснили, что более успешные родственники информанта, которые давно живут в Петербурге и имеют ларёчный бизнес совершенно не помогают ему: не одалживают денег, не помогают с работой. «Максимум, чем они помогут - считает он, - это дадут денег на обратный билет в Азербайджан»

Таким образом, можно констатировать, что экономические сети мигрантов с Кавказа в Петербурге организованы не по этническому признаку. При создании социальных сетей, выборе экономических ниш мигранты руководствуются не критерием этничности, он является далеко не самым значимым. Более важную роль играют земляческие связи, которые зачастую одновременно являются соседскими, родственными или дружескими. Кроме того, отношения между недавними экономическими мигрантами и их соотечественниками, живущими в Петербурге давно, показывают, что гораздо большее значение в этих отношениях, по сравнению с этнической, имеет идентичность, во-первых, собственно мигранта, во-вторых, мигранта экономического.

Проблемы социальной и культурной адаптации

Преобразование мигранта с Кавказа в «кавказца» (8) происходит в тот момент, когда он, пересекая границы, сталкивается с «некавказским» большинством. Оказавшись в относительно новом для него социальном контексте, он начинает нащупывать новые границы своих возможностей и, время от времени, переступает их от незнания. Для успешных действий в новой обстановке у «кавказца» возникает необходимость понять свой новый статус, определить его для себя.

Для исследователя представляется интересной проблема «пограничных» взаимоотношений. В частности, можно исследовать такие аспекты: каковы отношения мигрантов из «кавказского» меньшинства и «титულიной» нации? Где проходит граница между «кавказцами» и культурным большинством и что происходит на этой «границе»? Ответы на вопросы возможно получить через исследование жизненных стратегий социальной и культурной адаптации экономических мигрантов.

Экономическим характером миграции в значительной степени обусловлен выбор жизненных и поведенческих стратегий, способов времяпрепровождения, контактов, к которым прибегают мигранты. Подавляющую часть времени они заняты работой. Рынки, на которых работают наши информанты, не имеют выходных дней кроме одного санитарного дня в месяц. Поэтому и мигранты, занятые на рынке работают практически тридцать дней в месяц. Поскольку характер работы требует их постоянного присутствия, их контакты с внешним миром ограничены дорогой из дома на работу и обратно,

общением с администрацией рынка, покупателями и сотрудниками милиции. Ниже мы подробнее рассмотрим некоторые «зоны» повседневной жизни, в которых мигранты из Азербайджана взаимодействуют (сотрудничают/конфликтуют) с местным населением и властями. Именно в этих точках «соприкосновения» возникают проблемы, требующие от мигрантов социальной и культурной адаптации как механизмов приспособления к изменившимся условиям жизни.

Социальные проблемы мигрантов

Снять квартиру или комнату мигранту с «кавказской» внешностью крайне трудно. По сведениям сотрудников агентств недвижимости люди, обращающиеся в агентства за посредничеством в сдаче квартир, не хотят сдавать жильё кавказцам: «не юг», «юг не предлагать». Среди частных объявлений можно встретить такие формулировки: «**РУССКАЯ** семья снимет квартиру» (выделение - не наше, О.Б., О.П.). Основным критерий, по которому приезжие ищут и находят жильё - это рекомендация соотечественников, живших в этих квартирах до них. Такие знакомые помогают найти квартиру, что-то рекомендуют; при переезде на новое место могут оставить свою квартиру.

Мигранты вынуждены очень часто менять места жительства. Для этого находится много причин. Нередко хозяева, сдающие комнаты кавказцам - алкоголики. Общение с ними вызывает у съёмщиков массу проблем. Постоянно встречаются ситуации, когда хозяева, сдающие мигрантам с Кавказа жильё, активно эксплуатируют зависимое положение жильцов. Они требуют приносить им товар, которым торгуют их жильцы, если съёмщик работает поваром - ежедневно бесплатно едят. Пользуясь правовой беззащитностью «кавказцев» берут с них за жильё больше оговоренной заранее суммы. Вообще, в отношениях местного населения к «кавказцам» характерен «двойной стандарт». В вопросе сдачи квартир это выражается в том, что с «кавказца» могут запросить гораздо большую сумму за аренду жилья, чем с человека другой «национальности».

Проблемы с органами местной администрации сводятся, в основном, к вопросу о прописке и регистрации. «Прописка» - существовавшая в советское время система регистрации проживания, которая по существу ограничивает свободу передвижения, поскольку носит разрешительный, а не уведомительный характер. Это означает, что органы городской или районной администрации могут разрешить или не разрешить человеку проживание в том месте, где он хочет. На сегодняшний день ситуация мало изменилась, хотя на федеральном уровне прописка объявлена вне закона. Получить постоянную прописку крайне трудно. Приезжающие в город мигранты обязаны зарегистрироваться и могут получить временную регистрацию или временную прописку. Временная регистрация - разрешение жить в городе в течение 45 суток. По истечении этого срока регистрация каждый раз должна продлеваться. Временная прописка - разрешение жить по определённому адресу в течение трёх месяцев (в 1997 г. этот срок продлен до шести месяцев). Получить временную прописку

можно не чаще одного раза в год. Она не может быть продлена, т.е. по истечении её срока человек или должен получить постоянную прописку, если ему разрешат, или покинуть город до следующего года.

В этой связи столкновения «кавказцев» с органами городской администрации происходят, главным образом, по поводу прав на проживание в городе. Это 1) трудности, связанные с временной регистрацией и 2) проблемы, связанные с возможностью получить статус постоянного жителя, то есть, получить постоянную прописку.

Сложности, возникающие у мигрантов с временной регистрацией связаны, видимо, главным образом с нехваткой времени, бюрократическими проволочками и нежеланием лишней раз «светиться» - «пересекать границу» и идти на контакт с большинством. Бюрократические проволочки подразумевают необходимость каждые 45 дней приходить в органы МВД для продления регистрации, платить 75 тысяч рублей (12 долларов). При этом, наличие регистрации зачастую не может спасти мигранта – «кавказца» от незаконного террора со стороны представителей органов МВД.

Что касается нежелания лишней раз заявлять о своём существовании, то это обычный образец поведения для представителей дискриминируемого меньшинства. Такое поведение тем более обосновано, что существуют некоторые особые практики со стороны милиционеров, связанные именно с регистрацией мигрантов кавказского происхождения. Если участковый знает, что на его территории живёт кавказец, то он воспринимает его, как потенциальную угрозу порядку и безопасности на участке. Участковый милиционер может безо всякой причины приходить домой к такому «засветившемуся» мигранту, контролировать его частную жизнь. Это не только оскорбляет чувства мигрантов – «кавказцев», но и создаёт новые проблемы, например с хозяевами, сдающими им жильё. Хозяева квартир, которые арендуют «кавказцы», с большим неудовольствием воспринимают визиты милиционеров. Это отражается и на их отношении к своим квартирантам. Поэтому мигранты стараются не регистрироваться, если есть такая возможность. Они почти не видят для себя пользы в регистрации, но видят ощутимые проблемы.

В получении постоянной прописки сложности таковы: от азербайджанцев требуют колоссальных взяток. Если они женятся на местных женщинах, которые готовы прописать их к себе, то работники соответствующих муниципальных служб однозначно воспринимают это как фиктивный брак ради прописки и требуют взятку. Т.е. независимо от того, хочет ли азербайджанец прописаться здесь фиктивно, незаконно или хочет сделать это действительно легально и законно - к нему одинаковое отношение, как к нарушителю, стремящемуся обойти закон всеми возможными средствами; «кавказца» вынуждают поступать незаконно, давая взятку, заставляя быть преступником. По сведениям наших информантов - азербайджанцев стоимость прописки в Петербурге (размер взятки): временной - до 200 долларов, постоянной - 1000

-2000 долларов. К сведению: 200 долларов - это больше, чем размер среднего ежемесячного заработка в Петербурге, соответственно 1000 - 2000 долларов - больше среднего годового дохода петербуржца.

Вместе с тем, есть основания предполагать, что фиктивные браки - действительно одна из возможных и активно используемых мигрантами стратегий, имеющих целью получение постоянной прописки или просто обеспечение более комфортабельных жилищных условий.

Тем мигрантам, которые приезжают с семьями или вызывают к себе семьи позже, приходится сталкиваться с такой проблемой, как устройство детей в школу: их не хотят брать, хотя по закону обязаны. В Москве и Московской области, где местная администрация крайне жёстко настроена в отношении «кавказцев», эта проблема стоит острее. Существуют прецеденты исключения детей-«кавказцев» из школ на основе национального признака (Одинцовский р-он Московской обл.). В Петербурге таких случаев не было. Тем не менее, и здесь существуют проблемы, связанные, в первую очередь, с бюрократическими препятствиями, ибо дети мигрантов не имеют прописки и, следовательно, формальных оснований и документов, чтобы учиться в школах Санкт-Петербурга. Решить эту проблему помогают взятки или связи (знакомства).

Формальная община - общество азербайджанцев в Санкт-Петербурге «Даяг» (в ее состав входят лишь азербайджанцы, которые давно живут в городе) - выступает за создание азербайджанской школы. Однако, наши информанты (мигранты из Азербайджан, которые работают на рынке) не собираются отдавать туда детей. Это связано с тем, что образование детей в русской школе становится очень важным, ибо знание русского языка - это своего рода индивидуальный капитал, который нужен здесь и может быть востребован в Азербайджане. Очевидно, русский язык остается языком межнационального общения на всем постсоветском пространстве; а огромное, вполне доступное и выгодное для экономической деятельности пространство России стимулирует к изучению языка.

Проблемы культурной адаптации

Существуют некоторые негласные правила жизни, «известные всем» (то, что называют обыденным правом), а также повседневные нерелефлексированные практики, отличающие и отделяющие различные культуры. Очевидно, познание и освоение таких правил оказывается самым важным и сложным в процессе интеграции в «чужую» культуру, в процессе становления «своим». Проблемы адаптации и интеграции мигранта связаны, в первую очередь, с изменением его статуса и образа жизни. И эти проблемы отягощаются незнанием особенностей местной культуры.

На фоне бытующей в обществе кавказофобии всякое действие мигранта с Кавказа, нарушающее общепринятые нормы, воспринимается окружающими как «неумение» вести себя. «Кавказцы» осознают существование этой проблемы и пытаются

научиться соответствовать принятым в обществе нормам и правилам. Проблема познания «правил» «чужой» культуры остро стоит для тех, кто работает на рынке, ибо зона их повседневной жизни ограничена пространством «рынок - дом». Как правило, мигранты снимают жилье на несколько семей - так дешевле. В этом случае, «столкновение» с иной культурой происходит лишь при «переходе границы»: выход в гости, в общественные (публичные) места. Освоение обыденного права происходит через наблюдение, и здесь важную роль играет общение (дружба) с местным населением. Для наших информантов была важна дружба с нами. Мы не только помогали им решать некоторые социальные проблемы, не только были важны для повышения их собственного статуса среди соотечественников (нас всегда с гордостью знакомили с соседями и земляками), но часто советовались с нами. Например, один информант советовался по поводу того, можно ли ему в такой одежде идти в гости, что он вряд ли бы стал делать у себя дома

Столкновение с другой, что равнозначно непонятной, незнакомой, культурой вызывает необходимость безболезненно (скорее бесконфликтно) вписываться в нее. Во всяком случае, несильно внешне диссонировать, отличаться. Нельзя сказать, что существует этническая специфика «рыночной» одежды. Главное, для «выходцев с Юга» - это тепло, а теплая одежда для рынка, приобретаемая здесь же, идет фактически из одной «корзины» на том же рынке. Существует стиль одежды определенной среды, ее диктат и маркирование.

Как известно, «чужое» всегда «грязное». Столкновение отличающихся культур порождает тему «грязи». С ней, прямо или косвенно, мы сталкивались довольно часто. Об этом говорят, рефлектируют. Однако в случаях с мигрантами стереотип «грязи» существует не как приписывание другой этнической группе нечистоплотности, но попытка «обелиться», демонстрация и доказательство того, что они «тоже чистые», как и окружающие. В этом смысле показателен рассказ нашего информанта Б. о ссоре с его напарницей по поводу того, кто грязнее и кому следует надеть чистую одежду. Этот же информант, торгуя на рынке пловом, носит белый халат. Функционально, в отличие от фартука, это не очень оправданно, однако есть демонстрация того, что все гигиенично и съедобно, а также «согласно правилам торговли», принятым здесь.

Сегодняшний низкий статус в обществе воспринимается мигрантами, в общем-то, болезненно. Как защита или оправдание и себе и нам, звучали рассказы о хорошей жизни и высоком статусе дома: упоминается или бывшая партийная карьера (кстати, это звучит еще уважительно, как большое жизненное достижение), или же должности, «важность» которой определялась количеством человек в подчинении (несколько раз звучало после названия своей должности, сколько человек работало под его началом). Кроме того, когда наши информанты приглашают нас в гости и показывают свое жилье, то постоянно оправдываются, что там-то (дома) все по-другому: и чисто, и красиво, и богато. Ф. увлеченно и с удовольствием рассказывал нам о том, как красиво золотом он отделал потолок и плафоны. В разговорах слышна уверенность в

том, что они вернуться к своему прежнему высокому положению в том обществе.

Мигрантов нельзя назвать «временщиками» в полном смысле слова. Временно воспринимается лишь жилье и работа на рынке. Факт, что сюда выписываются семьи, дети устраиваются в школу, говорит о попытке устроиться здесь основательнее, стабильнее. Однако показатель нестабильности, ощущение временности своего положения - отношение к жилью, организация быта. Мигранты часто меняют квартиры (о этих проблемах см. выше). Например, организация жизни дома одного нашего информанта: мебель (стол, стулья, кровать и один шкаф) куплена «по случаю» и «по дешевке». Есть стол и много разнообразных спальных мест (какой-то диван, раскладушка, матрас на полу), остальное не столь важно. Стол центрирует весь дом, собирает все и всех вокруг себя, остальное периферийно и незначимо. Спальные места не спрятаны, но как бы «задвинуты в тень» таким почетно-центральным местом стола. Жизнь протекает за ним: здесь едят, дети делают уроки, разговоры концентрируются вокруг него. Дом никак не украшен, не считая детских приготовлений к Новому году (какие-то самодельные гирлянды из цветной бумаги). Все вещи как-то предельно функциональны и ничуть не нагружены эстетикой. Несмотря на видимую (думаю только видимую, ибо временность и нестабильность просто не стоит отяжелять и привязывать какими-то вещами, обучиванием) нищету жизни, приобретаются предметы «первой необходимости» - например телевизор.

Наши информанты называют себя мусульманами постольку, поскольку всех азербайджанцев называют мусульманами. В общественном сознании в принципе они должны ими быть, как и все русские «в принципе православные». Но в жизни это не так. Ф. не говорил, что он не верит в бога, но говорил, что он, наверное, плохой мусульманин, так как в мечеть не ходит (он и дома не ходил), свинину употребляет с большим удовольствием (ибо самый вкусный по его мнению шашлык из свинины), водку пьет, несмотря на запреты Корана. Если человек не становится верующим с детства, и это не передается «по наследству» с первичной социализацией, то более поздний приход к какой-либо конфессии связан, прежде всего, с определенной сменой идентичности.

Нельзя однозначно говорить о традиционном гендерном разделении труда мигрантов из Азербайджана (это скорее устойчивый стереотип петербуржцев в отношении жителей Кавказа). Например, две семьи наших информантов работают на рынке. В одной из них жена стоит за прилавком, а муж занимается «маркетингом» (ходит по рынку, узнает где что стоит), а также одновременно с этим занимается домом и детьми. В другом случае наоборот: муж за прилавком, а жена занимается домом. Это оправданное и оптимальное разделение труда в семейном бизнесе. Во многом такое разделение связано со степенью владения русским языком для общения с покупателями. Мужчинам легче, ибо многие из них, если даже и не работали в многонациональном коллективе в Азербайджане до переезда, то в большинстве своем служили в армии, где язык общения, несмотря на довольно специфичный набор слов, все-таки русский. Женщина не

просто в курсе, но и участвует в обсуждении всех финансовых дел, она выступает и в роли «держателя кассы». Мы наблюдали, как сына отправляли в магазин за покупками. Совместно с мужем обсудив перечень покупок, деньги мальчику выдала женщина.

Вместо заключения: существует ли сообщество «рыночных азербайджанцев»?

Итак, в ходе исследования мы пришли к выводу, что азербайджанцы, проживающие в пределах города, не могут быть охарактеризованы как единая диаспора с чёткими границами, «коллективным сознанием», выраженными коллективными интересами и групповыми стратегиями. Более того, сообществом азербайджанцев могут быть названы лишь несколько формальных общественных организаций азербайджанцев, ибо социальные сети этих сообществ построены на разделенной этнической идентичности. Остальные сообщества объединяет не этнический, а любые иные коды, например профессиональный.

Нельзя также говорить о сообществе «рыночных» азербайджанцев как о совокупности мигрантов из Азербайджана, работающих на рынках города. Прежде всего, это сообщество атомизированных индивидов с их индивидуальными стратегиями; совокупность индивидуальных активностей в рамках определённой экономической ниши. Однако, как показало наше исследование, среди работающих на рынке зачастую возникает ситуативная солидарность.

Говоря о характере подобных сетей солидарности, следует отметить, что они образованы не по этническому признаку. Они не созданы сознательно социальными агентами, ориентирующимися на критерий этничности (co-ethnics). Нами были выделены четыре основных принципа организации таких социальных сетей солидарности:

пространство. Взаимодействуют с теми, с кем пересекаются и/или соседствуют в пространстве: соседями по рынку, с хозяевами квартиры, с обслуживающим персоналом рынка, с теми, кто приходит на рынок, т.е. на «их пространство». Так находят наемных продавцов, партнёров по бизнесу, поставщиков товара, кредиторов и т.д. рациональность (выгода). Взаимодействуют с теми, с кем выгодно - это критерий часто оказывается решающим при выборе рабочих, партнёров, поставщиков. Так, на работу возьмут не co-ethnics, а дешёвую рабочую силу, товар купят у того, кто продаёт дешевле, а продадут тому, кто купит дороже, и т.д. доверие-контроль. Взаимодействуют с теми, кому доверяют. Зачастую границы доверия совпадают с границами контроля: доверяют тем, кто понятен, кого можно проконтролировать. Именно поэтому сети солидарности иногда организованы по соседскому, земляческому или же этническому признаку. лёгкость (простота, беспроблемность) Взаимодействуют с теми, с кем проще. Так, решающую роль играет язык: плохое знание языка препятствует взаимодействию «кавказцев» с русскими. Поэтому «кавказец» чаще будет сотрудничать и/или общаться с земляком только потому, что им легко понимать друг друга - они говорят на одном языке. Культурные стереотипы, паттерны поведения так же облегчают взаимодействие

со своими и препятствуют взаимодействию с представителями чужой культуры. Существующие враждебные стереотипы восприятия азербайджанской культуры со стороны представителей местного населения в Санкт-Петербурге, в частности, препятствуют взаимодействию представителей местного населения с кавказцами.

Итак, как показало наше исследование, социальные сети, объединяющие азербайджанцев, работающих на рынках, ситуативны, они не построены на разделенной этнической солидарности. Однако ксенофобия со стороны местного населения, определяет «чужих» в этнических терминах, выстраивает жесткую внешнюю границу. Таким образом все мигранты из Азербайджана воспринимаются местным населением как азербайджанцы или «кавказцы», даже те, для кого эта идентичность незначима. А азербайджанец становится азербайджанцем или «кавказцем» в случаях столкновения с враждебно настроенным окружением, и перестает им быть в случаях сотрудничества, например, профессионального.

Примечания

*Бредникова О., Паченков О., Центр независимых социологических исследований Санкт-Петербурга.

1. См. Воронков, В., Освальд, И. (ред.). Конструирование этничности: этнические общины Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 1998. С. 246.
 2. См. Сикевич, З. (ред.) Петербуржцы: этнонациональные аспекты массового сознания. Санкт-Петербург: НИИКСИ, 1995. С.126.
 3. В данном случае под социальной средой мы понимаем не простую совокупность выходцев из Азербайджана, но сообщество людей, связанных между собой не только разделенной этнической идентичностью, но и социальными сетями взаимодействия и солидарности. Социальные сети, конституирующие сообщество, могут строиться на различных критериях.
 4. В рамках проекта также анализировалось формирование дискурса «кавказофобии» в местных газетах.
 5. Желание остаться жить в Петербурге высказала примерно половина наших информантов.
 6. См., например, R.Waldinger, Immigrant enterprise // Theory and Society, 15, 1986.
 7. Все приводимые в статье цены приходятся на весну-лето 1998г.
 8. В современном российском обществе благодаря мощной пропаганде СМИ за понятием «кавказец» прочитывается много отрицательных коннотаций. То есть под «кавказцем» понимается не просто житель Кавказа (причем лишенный этнического разнообразия), но прежде всего некоторый источник опасности.
-

